

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

022

Многие стихи, вошедшие в эту книгу, публиковались до этого в сборниках Льва Оборина «Мауна-Кеа» (АРГО-Риск, 2010), «Зеленый гребень» (Ailuros Publishing, 2013), «Смерч позади леса» (MRP, 2017), «Будьте первым, кому это понравится» (Стеклограф, 2018), а также в журналах «Воздух», «Октябрь», «Волга», «Интерпоэзия», «Дети Ра», Homo Legens, TextOnly, «Литература». Всем этим изданиям и издательствам автор приносит свою искреннюю благодарность.

Оборин, Лев

022 Часть ландшафта / Лев Оборин. –

Москва: Издательство АСТ, 2019. – 224 с. –

(Эксклюзивное мнение)

ISBN 978-5-17-117662-4

Лев Оборин — литературный критик, переводчик и один из самых заметных поэтов современной России. Его новая книга «Часть ландшафта», в которую вошли избранные стихи из предыдущих сборников и новые тексты, показывает стремление поэтического языка описать самые сложные (и самые простые, что еще сложнее) вещи. По словам Марии Степановой, стихи Льва Оборина — «это мир безграничной инклюзии, предоставляющий место и возможность быть названным по имени всему без исключения».

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лев Оборин, текст

© Мария Степанова, текст

© Кирилл Ильющенко, дизайн, верстка

© ООО «Издательство АСТ»

Равновесие клада и воздуха

«Часть ландшафта» — не то, чего ждешь, и это начинается с имени, которое автор дает своему избранному. Название-обманка, оно вызывает у тех, кто читает русские стихи, недвусмысленную и прямую (молоточек-коленка), ассоциацию с известным стихотворным циклом Бродского — с которым, надо думать, Лев Оборин будет сейчас вступать в полемику, занимая и заявляя свою позицию относительно помеченных старшим товарищем территорий. Ничего такого, однако, не происходит — автор намерен (по слову Олега Пащенко) не делить, но делиться; стихотворение, к которому на самом деле отсылает название, занято желанием быть «частью удивительного».

* * *

Заслужил ли я двойника
на холсте или в камне
или в чьих-то словах?

Если да,
станет ли он
частью удивительного,
камнем ландшафта
или плодотворным нулем?

В «Старых Песнях» Ольги Седаковой к невидимой внешней инстанции обращаются с просьбой «Боже, сделай меня чем-нибудь новым» — я в этом месте всякий раз замираю: думаю, какая отвага нужна для того, чтобы захотеть такого и просить, чтобы исполнилось. Говорящий здесь отказывается от собственной субъектности, соглашается стать из кого-то — чем-то, легко перекладывает себя, как вещицу, из одной Божьей ладони в другую. Интересно, что это происходит на фоне неназванной толпы, не знающей ни воли к отказу от себя, ни способа оставаться прежними: люди этого стихотворения «хлеб едят — и больше голодают, / пьют — и от вина трезвеют».

Но потребность стать *частью удивительного* — штука не менее отважная в своем смирении: поиск себя оборачивается поиском двойника, текстуального или пластического, увиденного со стороны, из внешнего далека: не целым — но частью, синицей в руке, камнем среди себе подобных, нулем, плодотворным и оплодотворяющим, дарящим числу возможность стать множеством. Желание и надежда стать нулем — вещь, в зоне поэтического ошеломляюще редкая, особенно когда речь идет не об обнулении и распаде, а о приращении — наращивании элементов и значений, каждое из которых необходимо для создания общего поля, где значимы и необходимы все участники, все цифры, камни, элементы, стоящие слева и справа. Существование (в том числе и существование-в-поэзии) в стихах Льва Оборина оказывается частью коллективного проекта; политическое и поэтическое — частями одного ландшафта; разницы между ними почти никакой. Это мир безграничной инклюзии, предоставляющий место и возможность быть названным по имени всему без исключения; любая вещь, до которой можно дотянуться рукой или языком, оказывается внутри — становится частью общности,

воздухом в безразмерном сосуде, только что
сделанном стеклодувом:

клад
чуть звучал
но плотный воздух перевесил

Так эта книга и выглядит: как большая сим-
биотическая система, дающая возможность
разглядеть и слоистость/многоэтажность
собственной структуры, и — отдельно, замед-
ленно — каждую из ячеек, все эти *жизни*
извне, выбирающие собственные надгробья
и при этом обреченные на бессмертие:

Как в янтарном, молочном, жасминовом сне
бесконечность трудов и забот
имена адмиралов, кормление воробья.

Перенаселенность — необходимое и счастли-
вое свойство такой системы; у Оборина это вы-
глядит так, как если бы на огромный
прозаический манускрипт набросили что-то
вроде сетки, мешающей видеть целое, но со-
храняющей неотменимую, базовую связность

всего и вся, каждого фрагмента, любого бесхозного прилагательного. Память об осмысленности тварного мира, о взаимосвязи его (часто непригодных к делу) деталей одушевляет каждый текст этой книги — в хозяйстве которой есть и вещи вовсе безымянные, такие, как любимая мною *прозрачная желёзка, выделкой подобная богам:*

В теле человека не найдется
ни задач, ни места для нее.

Отчетливая райскость того, что удастся увидеть, скорее оптическая иллюзия, чем порядок вещей. Мир, о котором (и в котором) Оборин пишет, посткатастрофический. Его устройство и предметный набор в равной степени повреждены, подверглись ряду искажений — причем задолго до начала речи. Мешок обветшал, прохудился, у него обтрепанные края и некоторое количество недвусмысленных проплешинов — и туда, где он истончается, в любую минуту может хлынуть небытие. Тррр, пуууу, *шчужинская, площадь'ил'ича* оказываются и признаками жизни, и сигналами бедствия.

Мир надо постоянно чинить — и *спасение пространства*, как это называется в одном из стихотворений, становится главным делом письма: каждый текст — еще один участок, отвоеванный у пустоты; каждый огрызок речи еще можно наполнить светом, молочным или янтарным.

Может быть, поэтому для правильного чтения этой книжки мне было важно прочитать еще одну книгу Льва Оборина, совсем маленькую, — в «Часть ландшафта» она не вошла ни одним стихотворением. «Будьте первым, кому это понравится» — сборник восьмистиший, написанных, кажется, почти без участия автора — в процессе многолетнего потлача, вдохновенной и бессмысленной переработки случайного материала в поэтическое вещество. Авторская инстанция оказывается там чем-то вроде сторукого жонглера, поднимающего в воздух десятки предметов, так что они носятся вокруг него, как растревоженный улей, не касаясь земли. Задействовано — кипит и само себя перемешивает — огромное, на ходу возрастающее, множество явлений, составляющих поверхность

современности, ее эпителиальный слой. В восьмистишиях обсуждаются (надуваются и лопаются, как пузыри) блог-проекты, кураторы визуальных искусств, три-джи, харассеры и толстые журналы и множество других вещей и явлений; все они, как воздушные шары, взаимозаменяемы и насыщены звонкой пустотой равенства — до любого из них расстояние в полстрочки, в одну рифму. Экономически это чистое безумие: машины речи пущены в ход во имя чистого движения — чтобы осалить максимальное количество вещей и имен — от джуди коллинз до династии таргариенов, от докинза с дарвином до тамары, которая едет в соловки, все буквы строчные. Прочитанные подряд, залпом, они производят потрясающее впечатление — словно приметы и примеры сегодняшнего дня можно снять, как шапку пены, словно при разводе означаемого и означающего можно получить чистое вещество времени, работающее как веселящий газ.

И вот там есть восьмистишие (посвященное Юрию Сапрыкину), которое работает для меня как ключ, причем не только к этой книжечке:

— вы съмистишия ненужные
никому никому
вы уходите нагруженные
моим временем во тьму

— зря изволишь беспокоиться
не во тьму не в народ
а туда где можно встроиться
и дополнить общий код

Не во тьму (неувиденности, то есть небытия),
и уж точно не в народ: ни в стихах, ни в логике,
которая их выстраивает и окружает, нету деле-
ния на высокое/низкое, на мы/они. Снабжен-
ные ярлычками-посвящениями, каждое из
которых добавляет лишний элемент в и без того
перенасыщенную именами и терминами струк-
туру, восьмистишия формируют предельно де-
мократическое пространство нерассуждающей
общности — какая, собственно, и делает нас
друг другу современниками, хотим мы этого
или нет. Смысловая и языковая взвесь эпохи,
«то, что в воздухе носится», не дает возможно-
сти от себя *отстроиться* — но зато есть шанс
пойти ей навстречу, «встроиться и дополнить

общий код». Та же задача, кажется мне, одушевляет и связывает воедино разные слои и в разные годы написанные тексты «Части ландшафта». То, что могло стать оргией называния (как в адамовы времена, когда одинокий белый мужчина расставлял зверей и растения по местам) оказывается праздником самоумаления: автор-демиург становится частью общего целого, одним из множества — лишь бы ландшафт был оживлен, а то, что его наполняет, мультиплицировалось, плодилось, размножалось. Как и положено в пространстве, которое удалось спасти.

Мария Степанова

СКОЛ

.....